

Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса / Сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Сахарова. -- М., Русский мир, 2006. С. 369--371.

OCR: <http://imwerden.de>, 2007

Пед<агогические> письма (Бар. Ф. А. К.)

Я обещал передать Вам на бумаге все, что мне виделось и думалось более двадцати пяти лет о предмете, который и теоретически, и практически занимает меня. Принимаясь за перо, вижу, что это изложение для меня гораздо труднее, нежели как казалось.

Думая про себя, -- мы города берем; множество вопросов проскользают в нашем мышлении в качестве легких и маловажных. Лишь с пером в руке мы замечаем, сколько пробелов еще остается в нашей массе наблюдений, наведений и других продуктов нашего мышления.

Мы похожи на того героя северных саг, которому предлагают поднять небольшой камень. Кажется, ничего нет легче, но -- этот камень тяжелеет с каждой минутой поднятия; и не мудрено -- этот камень -- вся земля. Предлагают герою выпить ковш воды, но -- этот ковш делается бесконечным; он -- все море.

Таковы все метафизические задачи, и особенно той части метафизики, которая называется педагогией.

Простолудин, обманутый физической слабостью и мнимой неразумностью ребенка, считает за ничто приняться учить его. Не лучше этого простолудина и многие, весьма многие, педагоги, коих не называю. Они смотрят на свое дело с высоты некоторых заветных метафизико-нравственных сентенций и на них основывают прекраснейшие теории воспитания, в которых лишь один недостаток -- если их привести к одному знаменателю, то выговорится следующая пустопорожняя фраза: "Делай хорошо, а не худо, и будет хорошо".

Этими господами забываются лишь два незначительных словца: что и как.

К счастью, в педагогии, как в медицине, если не существует совершенно удовлетворительной теории, то существуют весьма удовлетворительные практики. Это странное явление объясняется, по крайней мере, в отношении к педагогии, тем, что умного, добросовестного Воспитателя -- учит сам ученик. Воспитатель забывает о своих теориях, побежденный находящимся пред ним фактом.

К сожалению, таких фактов еще собрано мало. Их берегут про себя. Но вышла ли бы физика и химия из схоластических пеленок, если бы эти науки не окрепли в живительной атмосфере фактов неподдельных, неподкупных?

Факты же педагогические несравненно сложнее явлений чисто физических или химических.

В вопросы педагогические входят все науки: и психология во всех ее видах и степенях; и история со всеми ее недоумениями; и физиология со всеми ее еще не разгаданными задачами, и теория общественного устройства со всеми ее недомолвками. Не говорю о науках чисто технических, где также есть пробелы своего рода. А между тем, несмотря на всю шаткость этих подпорок, педагогия еще не вышла из того периода чванства, чрез который прошли все науки.

Было время, когда метафизика бралась разрешать все вопросы без исключения; медицина верила в универсальное лекарство; астрономия -- в символическое значение звезд; химия -- в квинтэссенцию. Так <и> педагогия -- даже в новейшее время <она> берется за обязанность: почти сотворить человека.

Это совсем не шутка; вы найдете эту претензию в большей части иезуитских книг о воспитании, где говорится о необходимости и возможности внушать то и другое детям, образовать из них по рецепту: сочинителя, музыканта, живописца и прочего тому подобного добродетельного гражданина; где человек сравнивается с нежным деревом, которое можно обрезать, привязывать и прочее тому подобное. Все эти *ria desideria* [благие намерения (*лат.*)] были бы прекрасны, как, например, желание, чтобы все люди походили на Аполлона Бельведерского, но, к сожалению, <они> также не исполнимы.

Теоретики этого рода или должны изумляться при виде, например, странного явления, известного под названием: "ученый дурак"; или при виде человека, получившего так называемое прекраснейшее воспитание и сделавшегося отъявленным негодяем; человека, которому внушены были с малолетства чистейшие правила нравственности и из которого образовался человек самый коварный и лукавый, и годный только на зло; или они должны изумляться, каким образом Вольтер вышел из езуитской школы, Ломоносов -- из рыбацкой лодки, Уатс -- из плена семейного круга, где его считали ни на что не годным.